

Ю. А. Пустовойт

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия)

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ГОРОДСКОЙ РЕЖИМ И ПРОТЕСТЫ: ОПЫТ ТРАНСАКТНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА ВЛАСТИ И ПРОТЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ*

Принята к публикации 19.03.2019

В центре внимания данного исследования лежит проблема возникновения и развития различных по эффективности и методам борьбы протестных объединений в городах Сибири. Основной исследовательский вопрос: «Почему в современных городах возникают протестные объединения и при каких условиях их деятельность наиболее эффективна?». Теоретическими основаниями работы служат: на макроуровне — концепции модернизации, революций и коллективных действий, на мезоуровне — концепция городских режимов, на микроуровне — основные положения транзактного анализа. Эмпирической базой выступает комплекс показателей развития городов, динамика и ход протестных выступлений, опыт анализа интервью с лидерами и активистами мероприятий. На основании анализа протестного дискурса обрисованы основные типы игр — устойчивых скрытых взаимодействий, направленных на максимизацию результата. Приведены примеры игр власти и протестующих. Сделан вывод о взаимосвязи роста протестных организаций и объединений в зависимости от степени включения в модернизационные процессы и сформированного в городе типа городского режима.

Ключевые слова: протест, модернизация, городской режим, транзактный анализ.

DOI: 10.32324/2412-8945-2019-1-6-14

В прошедшем году тема протеста в российских городах оказалась одной из ключевых для обсуждения на разных общественных площадках. Дискуссии, полемики, споры по поводу оценок активизации и роста уличных выступлений разгорались прежде всего в медиапространстве, находились в центре внимания общественных организаций, политических субъектов, экспертного сообщества и далее обсуждались на уровне государственного аппарата. Число протестующих и готовых участвовать в митингах, по оценкам экспертов, растет, диапазон оценочных мнений комментаторов достаточно широк — от «успокаивающей риторики» до «катастрофической».

Понятно, что в рамках локального исследования сложно, точнее невозможно, говорить о каких-то значимых, долгосрочных, институционализированных выигрышах, особенно по общефедеральной повестке дня. Тем не менее очевидно, что города Российской Федерации заметно отличаются друг от друга и по актуальности протестной повестки, и по накалу митинговых страстей, и по степени организованности оппозици-

онных мероприятий, и по реакции местных властей на беспорядки, возникающие на вверенной им территории.

Совокупность каких внешних (структурных и ситуационных) и внутренних (организационных) факторов определяет рост, развитие и эффективность протестных сообществ? Почему в одних городах оппозиционные действующей власти объединения в большей мере добиваются своих целей, а в других нет? Как сам руководитель или активист протестного объединения объясняет свою мотивацию и какое место протест занимает в его жизни?

Основные тезисы, которые здесь изложены, — результат полевых наблюдений и интервью, проведенных в 2018 г. в ряде сибирских городов с участниками и лидерами протестных объединений, а также предыдущих исследований, связанных с изучением городских политических режимов.

Наше исследование построено на интервью с лидерами и наблюдениях за акциями протестных объединений в городах Сибирского федерального округа (СФО) в 2017—2018 гг. На этом этапе работы мы провели более 50 бесед с лидерами и участниками протестных мероприятий в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерове, Новокузнецке, Абакане. Интервью состояло из пяти блоков: автобиографии, оценки актуальности политических, экономиче-

ISSN 2412-8945. Развитие территорий. 2019. № 1 (15).

© Ю. А. Пустовойт, 2019

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» №» 18-011-00866.

ских и социальных проблем, оценки организации, мотивации и перспектив развития протестных сообществ. В ходе беседы, которая длилась от 30 минут до двух с половиной часов, респондент заполнял анкету, позволяющую еще раз отметить и уточнить его позиции.

Нами собирались и анализировались сообщения о протестных событиях в средствах массовой информации, использовалось включенное наблюдение и учитывались результаты фокус-групп. Заочно изучалась ситуация в Омске, Горно-Алтайске, Красноярске, Кызыле, Улан-Удэ и Чите. В центре внимания были проблемы включения городов в современные процессы модернизации (макроуровень), вопросы взаимодействия локальных властных коалиций с населением (мезоуровень) и то, что можно обозначить, как феноменологию личностного протеста, т. е. систему мотиваций, стратегий и практик как элемент биографии и индивидуального жизненного сценария активиста протестного сообщества (микроуровень).

Главный принцип исследования — структурный детерминизм, где выявление сходства явлений предполагает и сходство причин. Работа построена на принципах историзма и представляет собой попытку совмещения структурного и качественного (понимающего) подходов. С одной стороны, города для нас представляют естественные лаборатории, так как хорошо известны их социально-экономические и культурно-исторические параметры, с другой — именно в городах политика развивается в ситуации «здесь и сейчас» и происходят прямые взаимодействия между сторонниками и противниками конкретных политических и экономических решений. Мы стремимся реконструировать феномен протеста через комплекс внешних факторов, связанных с модернизационными изменениями и деятельностью местных властных групп, и через призму биографических интервью, добиваясь максимально полной реконструкции событий в индивидуальном жизненном сценарии и выборе экзистенциальной позиции.

Теоретической основой для нас служит комплекс работ, связанных с модернизацией и ее влиянием на революционные изменения и особенности формирования общественных движений — основных форм аккумуляции общественного протеста в современном мире, концепции городских режимов Кларенса Стоуна и результаты исследований, построенных в рамках этой концепции в российских городах, подход Д. Харви и положения транзакционного анализа Э. Берна.

В центре нашего внимания находится такой социальный феномен, как протестное сообщество, под которым мы понимаем совокупность индивидов, объединенных общей реакцией неприятия той или иной ситуации. В основе общества — отрицание тех или иных ценностей или интересов других групп. Уличный протест — не институциональная форма борьбы, конфликта, в котором нет устойчивых правил и всегда суще-

ствует возможность применения насилия любым из участников. Эти составляющие (отсутствие обоюдно соблюдаемых правил и риск применения физической силы к оппонентам) отличают уличный протест от нормативной сферы политического противостояния, регулируемой правом и законодательством (парламентские дебаты, выборы и суды) и от неформализованного, но относительно мирного уничтожения оппонентов в ходе публичных дискуссий, непубличных переговоров, в публицистике посредством клеветы, диффамации, пропаганды, интриг и др.

Высшей формой протеста выступает революция, которую мы определяем вслед за Н. С. Розовым как «возможное следствие глубокого социально-политического кризиса государства с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний верховная государственная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуется политический режим: отношения и институты политического взаимодействия» [16, с. 95]. В свою очередь, кризисы и конфликты являются неизбежным элементом модернизации как процесса становления современного общества. Рассматривая протесты на макроуровне, возьмем за основу идеи Р. Коллинза, обосновавшего представление о модернизации как движении по четырехмерному континууму и выделившего четыре универсальных модернизационных процесса: бюрократизацию, демократизацию, капиталистическую индустриализацию, секуляризацию [9, с. 259—304]. На примере становления германского фашизма Р. Коллинз показывает, что поступательное движение по всем осям модернизации может быть прервано в результате военного поражения и экономического коллапса и может смениться появлением авторитарного, традиционного националистического движения.

Подход Коллинза позволяет нам сформулировать гипотезу о том, что рост протестных настроений будет происходить в большей мере в городах, в наибольшей степени включенных в модернизационные процессы, причем протест может развиваться как в модернизационной, так и антимодернизационной логике. С этими положениями хорошо сочетаются теоретические положения другой группы исследований, известных как теории коллективного действия или мобилизации ресурсов, где в обобщающих работах подчеркивается важность роста общественного благосостояния, позволяющего использовать избыток ресурсов. Вокруг распределения благ в обществе и групповых интересов (выгоды, по Ч. Тилли) [18; 7] организационное ядро ведет вполне рациональную борьбу (Д. Мак Адам, М. Зальд) [22, с. 25].

М. Манн принимает три основных универсальных элемента формирования общественных движений: рост бунтарского сознания (протестных настроений), создание мощной организации и наличие структурных политических возможностей, но далее показывает, что невозможно

рассматривать борьбу тех, кто протестует против современных порядков, игнорируя тех, кто выступает за защиту существующего положения и защитников прошлого. При анализе борьбы следует учитывать не только сторонников ненасилия, но и их оппонентов, учитывая при этом не только их рациональные мотивы участия, но и «грубую эмоциональную силу идеологической одержимости» [12, с. 103], как правило, лежащую в основе формирования их протестной идентичности [6, с. 75—76].

Таким образом, для того чтобы объяснить рост протестных настроений и последующее возможное увеличение числа эффективных протестных сообществ, нам необходимо начать с рассмотрения достигнутого уровня модернизации в исследуемых городах, а именно сформировать систему оценок, позволяющую операционализировать предложенные Р. Коллинзом параметры.

Начнем с бюрократизации. В политике этот процесс означает определение единых нормативных стандартов. Здесь критическим случаем, лакмусовой бумажкой действия единых норм выступает ситуация выборов, где, с одной стороны, должно быть отсутствие безличного подхода к кандидатам, а с другой стороны, существует продвижение интересов конкретных персон. Определим этот параметр через индикаторы «безличность — персонализм». В качестве оценки будем использовать показатели электоральных аномалий, рассчитанные С. Шпилькиным и Б. Овчинниковым [21; 13].

Демократизация означает переход от одного центра власти к системе ее коллегиального разделения. Обозначим параметр через индикаторы «монополия — полиархия» и будем оценивать достигнутый уровень народовластия, основываясь на индексе демократичности российских регионов.

Экономическое состояние города рассмотрим как показатель достигнутого уровня капиталистического производства и, ориентируясь на данные исследований Института STRELKA, определим его развитие через индикаторы «богатство (достаточный объем средств, позволяющий решать любые кризисные ситуации) — бедность», и «самостоятельность города (доля безвозмездных поступлений) — зависимость» [2].

Показателями секуляризации будем считать данные всероссийского опроса, полученные исследовательской службой «Среда». Индикаторами параметра выступают «религиозность — светскость». В «религиозных» городах усиливается конфликт между группами, требующими вытеснения из повседневной публичной жизни трансцендентальных символов легитимации власти, и сторонниками сохранения и расширения духовной традиции.

Если оценить уровень модернизации сибирских городов по предложенным параметрам (подробнее о данных по городам и протестам [15]), то мы получим четыре богатых, самостоятельных города с высокими показателями полиархии

и безличности (Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Томск). Именно в этих городах отмечена высокая протестная активность населения, которая реализуется включением как в федеральную, так и в локальную повестку дня. В городах примерно одинаковый процент населения относит себя к атеистам (15—17 %), исключение составляет Новосибирск — 25 %.

В городах со средним экономическим уровнем модернизации (города бедные, самостоятельные), показатели безличности примерно одинаковые) наблюдается высокая протестная активность с федеральной повесткой дня (Барнаул, Омск). В Омске отмечается монополия власти, Барнаул более полиархичный (27 %).

В остальных городах СФО, где уровень модернизации низкий, протестная активность значительно меньше. Отдельного изучения требует ситуация в столицах национальных республик, где, судя по всему, доминируют традиционно сложившиеся кланы, и в Кузбассе — регионе, где более модернизированный юг (Новокузнецк) дает большую протестную активность, чем «столичный» север (Кемерово). Отметим, что во всех городах этой группы выше процент религиозности.

Следующая перспектива описания протестной активности связана с конкретными локальными группами держателей политической и экономической власти (мезоуровень). Протестные события происходят на городской территории, и в ряде случаев протестная повестка связана с городским режимом. Режим, в интерпретации В. Г. Ледеява, представляет собой кросс-секторальную коалицию, т. е. коалицию акторов, представляющих публичные структуры власти (представители администрации, депутаты, чиновники), и акторов так называемого частного сектора (бизнес, НКО, гражданские организации). Важнейшими характеристиками режима выступают: роль коалиции и ее участников в принятии и непринятии важнейших для локального сообщества решений, характер взаимоотношений внутри коалиции, повестка и стабильность коалиции (режима) [20]. В типологии, предложенной Стоуном, двумя основными типами режима выступают режимы «роста», обеспечивающие экономическое развитие, определяемое как рост стоимости городской земли, и режимы «статус-кво», где приоритетами выступают самосохранение и удержание политических позиций. Особое значение в теории режимов, как показывает В. Ледеяев, уделяется неформальным нормам [10].

По результатам наших исследований сибирских городов можно отметить, что общим для городских режимов являются ограничения самостоятельности участников и их мотивация [14]. Самостоятельность акторов зависит от требований федерального центра, а в случае, если город не является столицей региона, то и регионального центра. Система неформальных правил, реконструированных в интервью, во многом совпадает с механизмами «политической машины», описанными Джеймсом Скоттом, и построена на личных

интересах участников коалиций, а не на доминировании политических принципов и идеологий. В основе коалиций — партикуляристские вознаграждения и персонализированный обмен, а не разделяемые классовые или профессиональные ценности. Политическая жизнь городов насыщена межпартийными переходами, наличием родственников в конкурентных партиях и солидарными голосованиями за инициативы политических оппонентов. В целом существующие внутренние правила игры и повседневная механика взаимодействий вполне укладываются в объяснительную модель «скрытого сговора», предложенную К. Титаевым на основе идей Ж. Тироля [19]. Сговор имеет ряд характеристик: он предполагает добровольность участников по вхождению в группу, требует повторяющихся взаимодействий, наносит ущерб третьим лицам, он не явен, при этом выход из него означает потерю конкурентных преимуществ. В интервью превалирование личных целей и преданности патрону над ценностными принципами и партийной идентификацией обычно не особо скрывается: «Все в курсе, все в доле, другие туда не попадают», «Первая встреча была конструктивная. Он меня спросил: „Что тебе надо?“ ... Я говорю: „Не понял“. А он-то школу-то большую прошел: партийную, и руководящую, и административную. Я только потом понял, что значит — что ТЕБЕ надо.», «Не все сторонники мэра из КПРФ и не все противники из „Единой России“», «Пока не выяснит, в чем твой личный интерес, — ничего делать не будет», «Система сложилась раньше. Первое, что меня поразило в Совете, что идет неприкрытое лоббирование частных интересов». Действия сложившихся на территории города властных коалиций вполне укладываются в циничную, но рациональную логику: либо аккумуляция всех видов капиталов на своей территории (в случае режима «фроста»), либо удержание властных позиций (в случае режима «статус-кво»).

О росте организованности протестных объединений в сибирских городах пока сказать сложно. Нет точно сформулированных целей, программ, стабильных ресурсов, разноплановых и разноуровневых мероприятий, закрепленных и признанных успехов и их расширения — картина существенно различается от города к городу. И все же отметим, что более или менее высокая организованность свойственна городам с режимом «фроста» (Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск) [15]. Хотя официальная власть здесь, как и везде, выработала достаточно эффективный комплекс информационных и организационных мероприятий для закрепления и стабилизации своих позиций и борьбы с протестующими, протестные акции в этих городах носят регулярный характер, проходят в различных формах и иногда заканчиваются успехом. Обычные приемы властных коалиций: разделение «улицы» и «лидеров» (стремление представить протест как реализацию личных амбиций социальных неудачников), «возглавление» (проведение протестных мероприятий

и участие в них представителей официальных структур с плавной заменой требований, особенно если повестка дня носит локальный характер и связана с вопросами использования территории), «прополка» и «заморозка» (точечные, пока больше административные репрессии до и после митингов и пикетов), «взращивание» (создание собственных лояльных сообществ, как правило, «патриотической» направленности) имеют краткосрочные эффекты и в целом не снижают уровень активности.

Изучение российских протестов на микроуровне через анализ личностных сценариев поведения имеет хорошие исследовательские перспективы. В ряде работ о современных элитах фиксируется и обосновывается процесс доминирования акторов над институтами. К такому выводу приходят исследователи, которые используют разные методологические подходы и анализируют существенно различающиеся массивы данных, например А. Соловьев [17], В. Гельман [5], К. Гаазе [4] и др. В этом случае становится приоритетным изучение особенностей межличностного взаимодействия, влияния неформальных норм и степени влияния эмоций на принятие решений.

В качестве теоретических рамок анализа мотивации и жизненных приоритетов организаторов и активистов протестных мероприятий мы использовали ключевые идеи Э. Берна, связанные с понятием «игра», и на этом основании рассмотрели комплексы и дискурс протестных взаимодействий. Американский исследователь считал, что в межличностных коммуникациях человек действует в одном из трех состояний: «Родителя» (усвоенные родительские образцы поведения), «Ребенка» (детские мысли и чувства) и «Взрослого» (оценка поведения и выработка стратегий действия на основе прошлого опыта и ситуации «здесь и сейчас»). Особую роль в теории Берна играют способы структурирования времени: уход (нет транзакций (простейших единиц общения «стимул-реакция») с другими), ритуал (социально запрограммированные взаимодействия), времяпровождение (предсказуемые беседы вокруг отдельных тем), игры (о них ниже подробнее), близость (искреннее межличностное взаимодействие) и деятельность (совместные действия для достижения взаимовыгодных целей) [8].

Нас интересуют прежде всего игры как наиболее распространенные социальные контакты, особо значимые при исследовании политических отношений. Игра представляет собой серии скрытых транзакций (взаимодействий), обычно повторяющихся и направленных на предсказуемый результат. Берн, занимаясь психотерапией, сосредоточивал свое внимание на бессознательных, деструктивных, личностных играх и практически не касался политических и экономических игр, отдельно выделяя игры, проходящие под рациональным контролем («Взрослого»), например «Лохотрон», и отмечая, что самой жестокой игрой является «Война» [1, с. 38]. Политические игры новой России изучались его последователя-

ми В. В. Макаровым и Г. Н. Макаровой, определявшими их как серии манипулятивных взаимодействий, направленных на поддержание привычных эмоций и ощущений с целью подтверждения ранее избираемой жизненной позиции и организации своей судьбы. Игры «Родителей» повторяют некритически усвоенные модели поведения родителей, «детские» — актуализируют детские страхи и иллюзии, «взрослые» игры вполне рациональны и осознаваемы и направлены на максимизацию результата. Строители финансовых пирамид, бизнесмены, профессиональные политики, чиновники, согласно теории Берна, хорошо понимают результаты своих действий, тогда как непрофессионалы играют бессознательно.

Проигрыш в игре означает расплату, которая в зависимости от уровня может приобретать различные формы — от тяжелых эмоциональных переживаний относительно имущественного ущерба до деструктивного решения вопроса жизни и смерти. Факторами вовлечения в игру выступают недостаток информации, времени на принятие решений, социальная и культурная изоляция, мифологические представления о реальности и комплекс положительных качеств, связанных с добротой и солидарностью, в основе которых — повышенная способность к идентификации.

Игры бывают двух классов. В первом классе, обозначаемом как «Мышеловка», игрок использует слабости оппонента и получает эмоциональное или материальное вознаграждение, во втором используется более сложная модель — модель переключения, когда участник переходит из состояния одной роли в другую. Здесь появляется так называемый «роковой треугольник», который заключается в бессознательном и последовательном принятии одной из позиций: «Жертвы», «Преследователя», «Спасателя», воспроизводящих прошлый жизненный опыт, неаутентичный и не соответствующий ситуации. Во всех случаях общая модель собственного благополучия и неблагополучия других заменяется моделью собственного благополучия и ожидания помощи. В этом случае отсутствует явный выигрыш у одного из участников, но происходит регулярное воспроизводство прошлого жизненного опыта, не позволяющего решить возникающие проблемы [11, с. 12—37].

Антитезой игр служат контрактные взаимоотношения с точными целями взаимодействия и ресурсами, введением правил, способствующих выявлению манипуляций и снижающих их деструктивность. На основании подхода Э. Берна в качестве идеально-типического образца можно выделить два полярных типа поведения. Тип «Политика-игрока», добивающегося своих целей при помощи манипуляций и стремящегося использовать других в качестве средства для достижения целей, и тип «Политического деятеля», ориентированного на заявленные результаты. Для первого типа обычным является рассмотрение отношений доминирования как самостоятельной

цели и восприятие политики как игры с нулевой суммой. Для второго — власть выступает средством для решения узких задач и политика определяется как игра с ненулевой суммой. В политической науке тип «Политика-игрока» традиционно описывается как единственный в рамках макиавеллевской традиции изучения власти, тип «Политического деятеля» выступает как образец в классических нормативных теориях, берущих начало в аристотелевском идеале «общего блага».

Отнесение того или иного протестного взаимодействия к «игре» или «контрактной деятельности» представляет собой нетривиальную задачу, и в целом здесь наиболее надежным является длительное наблюдение за протестным сообществом, анализ результатов, исследование биографий лидеров. На этом этапе исследования мы сосредоточили свое внимание на протестных дискурсах, сравнивая тот материал, который был опубликован о протестных событиях в СМИ, с обсуждением этих событий в открытых социальных сетях и с тем, как рассматривают свою деятельность активисты в собранных нами интервью. Мы опирались на ключевые положения дискурс-анализа Тена Ван Дейка, где под дискурсом понимается комплексное коммуникативное событие, предполагающее выделение участников и тему разговора, определенный когнитивный процесс, связанный с устойчивыми представлениями или шаблонами, позволяющими доминировать не с помощью прямого принуждения, а через создание стереотипов, связывающих речевые высказывания с той или иной ситуацией, что во многом совпадает с положениями трансактного анализа. Выделенная европейским ученым четырехмерная идеологическая схема расистского дискурса, подчеркивающего «наши положительные» и «их отрицательные стороны» и скрывающего «наши отрицательные» и их «положительные» качества [3, с. 133], вполне увязывается с четырьмя сформированными в детстве жизненными позициями, сформулированными Э. Берном: «Я+ Они+»; «Я+ Они-»; «Я- Они+»; «Я- Они-». Признаками игры являются: исходная позиция «Я благополучен — Вы неблагополучны», наличие уловки (обещания), повторяемая последовательность ходов со сменой ролей («Жертва» — «Спасатель» — «Преследователь»), взаимные обвинения, акцент на переживаниях, отсутствие перевода в рациональный план («Взрослый»), отказ от решения проблемы через создание новых норм и расплата. Победители в игре получают желаемое, побежденные испытывают фрустрацию и несут материальные потери.

Используя общую схему Э. Берна для выделения и анализа игр, приведем примеры тех манипулятивных взаимодействий, которые мы обнаружили. Понятно, что предложенный список не является полным, детальным и не содержит все игровые характеристики, тем не менее считаем, что анализ игр даст не только хорошие перспективы для критического восприятия политических инициатив различных субъектов, но и возможные

способы решения ситуаций. Алгоритм Берна требует на начальном этапе накопления образцов игр каждого типа и содержит универсальные элементы: тезис (общее описание), антитезис (практическое действие одного из участников, выражаемое в отказе или нейтрализации уловки), цель (ради чего затевается игра), роль (обычно соответствует эго-состоянию, иногда нет), динамику (фобии, которые стоят за каждым состоянием), примеры (происхождение, прототипы), транзакционную схему (социальный и психологический анализ), ходы (действия и их смысл) и выгоды (поддержание равновесия, где особую роль играет психологическое подтверждение занимаемой индивидом позиции). Анализ игры всегда проводится с точки зрения зачинщика, так как при протесте зачинщиком выступает та или иная группа, ассоциируемая участниками с властью. Начнем с этого комплекса игр с нашими названиями и интерпретациями.

Власть обычно играет в игры «Обманутый», «Было — ваше, стало — наше». От протестующих инициатива исходит реже и обычно предполагает некоторые ответные действия. Оппозиция играет в «Верните наш лагерь», «Я знаю, что они предатели»^{*}.

Рассмотрим подробно одну из игр и приведем схемы других.

«Обманутый» (избиратель, вкладчик, дольщик).

Эта игра является классической игрой и берет свое начало от различных «лохотронов». В политике на эту игру обратил внимание еще Роберт Михельс, постулировавший, что любая форма социальной организации неизбежно превращается во власть немногих — олигархию. Из экономических игр — это многочисленные пирамиды и получившее серьезное распространение серые схемы долевого строительства.

Тезис: «Дайте мне ваш голос (деньги), и я обеспечу вам будущее!».

Цель: выигрыш с минимизацией затрат.

Роли: «Человек, которому стыдно не верить» и «Честные люди».

Динамика: предлагаемый крючок — очень выгодная сделка и возможность поднять свою самооценку. Игра на собственном благополучии и обещании сделать благополучными своих последователей, страшущихся собственной социальной уязвимости.

Пример: «Наша цель — благополучие человека и развитие России. Достойный уровень жизни, социальная защищенность, реализация сил и способностей — для каждого. Сильное, независимое, справедливое государство — для всех. Проведение последовательного курса на стабильность, без революций и потрясений. Безопасность наших детей, возможность достойно трудиться, жить и учиться и право без страха смотреть в будущее» (предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выбо-

рах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва).

Социальная парадигма: «Взрослый — Взрослый», психологическая — «Родитель — Ребенок».

Ходы: 1) предложение — поддержка; 2) отказ от обязательств — возмущение; 3) протест — обвинение, или «Жертва» — «Преследователь» — «Спасатель».

Вознаграждение: «Победитель» — материальное и моральное вознаграждение; «Проигравшие» — экзистенциальная уверенность в том, что мир создан не для честных людей.

Антитезис: рассматривать политику с точки зрения собственных интересов, ориентироваться на контрактные отношения, отказаться от тезиса «цель оправдывает средства» и быстрого и легкого заработка. Ориентироваться на собственный опыт.

Игра «Было — ваше, стало — наше» характерна для городов с тяжелой экологической ситуацией. Как правило, экономика в этом случае держится на нескольких предприятиях, владельцы которых (обычно скрывающиеся под ярлыком «москвичи») не проживают на территории региона. Населению объясняется, что «пришедшие инвесторы» повышают уровень жизни населения, обеспечивая рабочими местами, гарантируют пенсии. За это некоторые неудобства: пыль, вредные выбросы, загрязнение рек, переселение из домов с минимальной компенсацией, рост онкологических заболеваний и преждевременную смерть — можно как-то потерпеть. Перед смертью, если повезет, могут и полечить.

Цель игры: контроль над территорией и извлечение прибыли.

Антитезис: здесь в ряде случаев речь идет о соблюдении достаточно жесткого законодательства в области охраны окружающей среды. Конфликт между теми, кто живет на территории, и теми, кто извлекает из нее прибыль, редко решается в пользу жителей, хотя в США были прецеденты формирования прогрессивных режимов среднего класса, подразумевающих приоритет экологической повестки.

Учитывая специфику современной российской власти, рассмотрение игр, инициированных протестующими, открыто выдвигающими свои, во многом справедливые, требования — хождение по минному полю между окопами противников, ведущих затяжную перестрелку: доказать что-то на этом накопительном и описательном этапе исследования невозможно. Тем не менее критическое и рациональное осмысление протеста в рамках выбранной нами теории, на наш взгляд, продуктивно и необходимо для решения заданных острых социальных проблем. Иначе романтика городского протеста в очередной раз поменяет свой знак на противоположный и ничего, кроме фрустрации участников, не даст. Без научного осмысления протест так и не превратится в комплекс норм и принципов политической деятельности, минимизирующих ошибки политических субъектов.

^{*} Название игр предложено нами. — Ю. П.

В игру «Верните наш лагерь» очень любят играть практически все политические акторы — как оппозиционные коммунисты, предлагающие признание значимых символов, так и различные патриотические и православные движения типа НОДа, требующие международной изоляции. Иногда в эту игру играют противники локальной застройки, делающие в этом случае акцент не на экономических потерях, связанных со строительством сооружений и магистралей, а на уникальном или культурном микроклимате, существующем на защищаемой территории.

Тезис: «Мы уникальные. Уберите тех, кто мешает нам жить. Верните прежнюю жизнь. Да, и про деньги не забудете!».

Антитезис: вопрос исповедования тех или иных верований и подкрепления позиций своих «родительских» требований и «детских» иллюзий — вопрос личного выбора, а не проблема распределения бюджетных средств. За свой счет можно исповедовать любые не запрещенные законом верования.

Еще одна игра, распространенная в протестной среде, напоминает классическую игру «Ну что, попался, негодяй?» [1, с. 67—69]. Она касается не целей и темы протеста, а взаимоотношений активистов с потенциальными сторонниками и единомышленниками. Игра «Я знаю, что они предатели» происходит тогда, когда лидер протестного объединения обрушивается с эмоционально заряженной критикой на людей, которые проявляют, по его мнению, недостаточную активность или не во всем разделяют его взгляды. В нашем случае в интервью, как правило, наибольшее возмущение вызвали не враги и противники, а сторонники, принадлежащие другой организации, обычными здесь являются переход от проблемы к личности, обвинения и смена позиций от «жертвы» к «преследователю».

Антитезис здесь состоит в идеалистическом требовании соблюдать максимальную корректность в общении с такими лидерами, особенно в вопросах выбора конкретной позиции и финансов.

Понятно, что приведенные нами и описанные «по мотивам» Э. Берна игры, проходящие в поле межличностного и межгруппового взаимодействия, этими четырьмя примерами не исчерпываются, игр намного больше, их нахождение, реконструкция и поиск антитезисов требуют большого объема времени. Так как функции игр — подтверждение высокой самооценки за счет выигрыша, удовлетворение потребности в утолении сенсорного и эмоционального голода и замена человеческого общения, то игры будут неотъемлемым элементом политической и экономической жизни. В первом случае они обозначаются как оппортунизм, во втором — как мошенничество. В обоих случаях ключевой проблемой становится минимизация вреда через осознание деструктивности игры и выработка норм, ограничивающих поведение зачинщиков.

Участие в протесте проходит через несколько этапов. Обычно в изложении своей истории

опрашиваемый активист рассказывает, что до некоторого ключевого события он политикой не интересовался. Далее обрисовывается сильный эмоциональный стимул, действия тех, кто сильнее, кто обладает большей властью и применяет ее недолжным образом. Тут каждая история приобретает собственную тональность. Отрицание действий переходит в поиски тех, кто испытывает те же чувства, и в попытки объединения. Иногда за этим следуют спонтанные мероприятия и митинги. Здесь доминирует общий эмоциональный фон, за которым следует этап некоторого организационного объединения, начинают формулироваться претензии, появляются профессиональные политики, выдвигаются неформальные лидеры, которые вступают в диалог с оппонентами. После этого, если в два-три дня митингующие сорганизовались, смогли получить какие-то информационные и финансовые ресурсы, то протестное сообщество начинает свою историю. Ядро движения начинает работать на профессиональной основе, наиболее сильные активисты получают возможность для самореализации или положительной самоидентификации. На основной работе протестующие обычно не получают каких-либо преимуществ или подвергаются административным репрессиям. В целом, для одних участие в протесте — своеобразный «подростковый бунт», заканчивающийся подтверждением родительского сценария и усвоением родительских установок, для других — нахождение нового рискованного пути, который может закончиться как успехом, так и неудачей.

Подведем итоги. Общая характеристика любого протеста — реакция на модернизацию, побочным эффектом которой является переход в другой тип общества. «Gesellschaft» порождает тоску по «Gemeinschaft» и, соответственно, потребность в общении, романтические переживания, тягу к справедливости и стабильности. Бюрократизация создает бесчисленное количество норм и регламентов, порождает бессмысленность и трудоемкость заполнения требуемых формуляров, что идет вразрез со смыслами профессиональной деятельности и хорошо знакомо любому работнику бюджетной сферы. Индустриализация в условиях международной конкуренции предъявляет к работнику многочисленные требования, уменьшает заработок и социальные гарантии. Секуляризация для одних чревата потерей жизненного смысла, другие негодуют по поводу распространения альтернативных взглядов на сексуальное, секс, пол и семью. Современный российский политический режим имитирует демократические практики, оставляя принятие ключевых решений за узким кругом лиц. Все эти процессы создают многочисленные очаги напряжения, и, соответственно, именно в городах, которые дальше всего продвинулись по вектору модернизации, протестов будет больше, степень организованности — выше. В нашем случае это — Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск. Отдельный случай представляют города, которые

находятся в тяжелой экономической ситуации, — Барнаул и Омск. Города, в которых модернизационные процессы не ярко выражены или модернизация идет только по одному из векторов (индустриализация), предположительно не будут давать устойчивой протестной динамики вследствие нехватки организационных ресурсов. К таким городам относятся Горно-Алтайск, Кызыл, Абакан, Кемерово, Новокузнецк, Улан-Удэ и Чита (последние два мы рассматриваем по-прежнему как сибирские города).

В городах, где установлен режим «роста», протесты будут иметь достаточно организованный характер и протестующие будут использовать длительные стратегии политической борьбы, смещая ее в зависимости от обстоятельств в электоральное поле, стремясь к взаимодействию с парламентариями, используя СМИ и социальные сети. Силовое противостояние здесь будет иметь предположительно ограниченный характер. В Омске и Барнауле, возможно, уличная политика будет основным средством выражения интересов депривированных групп. В остальных (режим «статус-кво») акции будут иметь характер кратковременных всплесков, иногда затухающих, иногда подавляемых с помощью репрессий. Особым случаем выступает Абакан — пример перехвата власти оппозицией в достаточно устойчивом режиме пока без изменения стратегий развития.

В свою очередь, организационная структура протестных сообществ, по оценкам наших экспертов, существенно ослабляется латентным конфликтом между структурами федерального и местного уровня, ориентацией на авторитарные методы борьбы (протестующие не создают собственных пространств и форм противостояния, а в основном используют те же средства, что и действующая власть) и наличием в протестных сообществах двух сложно сочетаемых между собой типов поведения и стратегий развития. В рассказах экспертов можно выделить два типа установок, габитусов со своими фреймами, символами, идентичностями. Первый тип — менеджеры, обычно подробно рассказывают о проблемах организации, решении юридических вопросов, координации с другими объединениями. У них, как правило, есть опыт работы в различных партийных оппозиционных структурах. М. Вебер бы отнес их к целерациональному типу, Г. Лассуэлл — к организаторам, Э. Берн описывал бы их как деятельность «Взрослого». Второй тип — энтузиасты, уделяют больше внимания обоснованию своих требований и способам противодействия власти в борьбе с несправедливостью. Соответственно, здесь можно говорить о ценностно-рациональном поведении, агитаторах, ритуалах и играх «Родителей» или «Детей». Пока эти наиболее распространенные типы скорее находятся, по нашим наблюдениям, в отношениях скрытого конфликта и конкурируют за ключевые позиции, нежели взаимно дополняют друг друга.

Список литературы

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / пер. с англ. Л. Г. Ионина; общ. ред. М. С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. 399 с.
2. *Богатство* и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым [Электронный ресурс] // STRELKA KB. 2017. Декабрь. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 08.03.2019).
3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 337 с.
4. Гаазе К. Двор вместо политбюро. Что происходит с окружением Путина [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/72910> (дата обращения: 08.03.2019).
5. Гельман В. Я. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии. Переосмысляя исследовательскую повестку дня [Электронный ресурс] // Полития. 2016. № 3 (82). С. 90—115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-osnovaniya-nedostoynogo-pravleniya-v-postsovetskoy-evrazii-pereosmyslivaya-issledovatel'skuyu-povestku-dnya> (дата обращения: 08.03.2019).
6. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58—103. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/> (дата обращения: 08.03.2019).
7. Епархина О. В. Коллективные действия и революции в исторической социологии Ч. Тилли // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 94—110.
8. *За пределами игр и сценариев* / сост. Клод М. Штайнер и Кармен Керр; пер. с англ. Ю. И. Герасимчик. 2-е изд. Минск: Попурри, 2008. 464 с.
9. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности — Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run / пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС, 2015. 504 с.
10. Ледяев В. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
11. Макаров В., Макарова Г. Игры, в которые играют в России. Психологические игры новой России. М.: Академ. проект: Гаудеамус. 2008. 192 с.
12. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. М.: Дело: РАНХиГС, 2018. Т. 4. 672 с.
13. Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. 2012. 28 февр. URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (дата обращения: 10.02.2019).
14. Пустовойт Ю. А. Бунт, восстание, революция: организованное насилие горожан в контексте модернизационных процессов // Вестн.

Бурят. ун-та. Экономика и менеджмент. 2017. № 4. С. 71—82.

15. *Пустовойт Ю. А.* Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // *Власть и элиты* / гл. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 295—301.

16. *Розов Н. С.* Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // *Полит. Исслед.* 2017. № 6. С. 92—108. DOI: 10.17976/jpps/2017.0

17. *Соловьев А. И.* Правящее меньшинство современной России: камо грядеши? // *Власть и элиты* / гл. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 87—110.

18. *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650—2000 гг. : пер. с англ. М. : Олимп-бизнес, 2007. 464 с.

19. *Тумаев К.* Скрытый сговор [Электронный ресурс] // *Ведомости.* 2014. 30 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/30/skrytyj-sgovor> (дата обращения: 23.03.2018).

20. *Чурикова А. Е., Ледаев В. Г.* Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом высш. шк. экономики. 2017. 414 с.

21. *Шилькин С.* Математика выборов [Электронный ресурс] // *Троицкий вариант.* 2011. 20 дек. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (дата обращения: 10.02.2019).

22. *Шульц Э. Э.* Теория социальных движений: проблемы теории и практики // *Вестн. Север. (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитар. и социал. науки.* 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialnyh-dvizheniy-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 08.03.2019).

Y. A. Pustovoyt

MODERNIZATION, URBAN REGIME AND PROTESTS: EXPERIENCE OF TRANSACTIONAL ANALYSIS OF POWER DISCOURSE AND PROTESTING COMMUNITIES IN SIBERIAN CITIES

The problem of the emergence and development of various different in efficiency and methods of struggle protest associations in the cities of Siberia is in the center of attention of this research. The main question of the research is “Why do protest associations arise in modern cities and under what conditions is their activity most effective?”. The theoretical foundations of the work are the concepts of modernizations, revolutions and collective actions at the macro level, the concept of urban regimes at the meso level, the main provisions of the transactional analysis at micro level. The empirical base is a set of indicators of urban development, the dynamics and course of protests, the experience of analyzing interviews with leaders and activists of events. Based on the analysis of the protest discourse, the main types of games are stable hidden interactions aimed at maximizing the result. Examples of games of authorities and protesters are given. The conclusion is made about the relationship between the growth of protest organizations and associations depending on the degree of inclusion in the modernization processes and the type of urban regime formed in the city.

Keywords: protest, modernization, city regime, transactional analysis.